

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн
О Саше Черном

«Public Domain»

1915

Куприн А. И.

О Саше Черном / А. И. Куприн — «Public Domain», 1915

«Среди современных поэтов Саша Черный стоит совершенно особняком, в гордом, равнодушном и немного презрительном одиночестве. Да и не похож он на тех, которые ходят поочередно по редакциям и рекламируют кудрявыми словами творчество друг друга и, сделав из журнала узкую лавочку напряженного и непонятного словоблудия, оголившись, с полной развязностью сами себя провозглашают гениями, а всех бывших до сих пор поэтов предтечами; на тех, кто, едва народившись на литературный свет, уже пропитаны злобой, завистью, узкой сектантской нетерпимостью к другим толкам, – читают сумбурные лекции сами о себе и друг о друге, не подозревая того, что публика ходит смотреть на них с такими же чувствами, как она смотрит в паноптикуме на трехголового теленка, Юлию Пастрану или на Родиду и Додику – сиамских близнецов...»

© Куприн А. И., 1915

© Public Domain, 1915

Александр Иванович Куприн О Саше Черном

Среди современных поэтов Саша Черный стоит совершенно особняком, в гордом, равнодушном и немного презрительном одиночестве. Да и не похож он на тех, которые ходят поочередно по редакциям и рекламируют кудрявыми словами творчество друг друга и, сделав из журнала узкую лавочку напряженного и непонятого словоблудия, оголившись, с полной развязностью сами себя провозглашают гениями, а всех бывших до сих пор поэтов предтечами; на тех, кто, едва народившись на литературный свет, уже пропитаны злобой, завистью, узкой сектантской нетерпимостью к другим толкам, – читают сумбурные лекции сами о себе и друг о друге, не подозревая того, что публика ходит смотреть на них с такими же чувствами, как она смотрит в паноптикуме на трехголового теленка, Юлию Пастрану или на Родиду и Додику – сиамских близнецов.

Пренебрегая тем, что весь их успех – успех скандала, эти литературные младенцы, еще не владея членораздельной человеческой речью, уже тянутся к гонорару, как к соске, и, еще не научившись ходить, воздвигают себе постаменты для будущих памятников.

Саша Черный – один. И в этом-то заключается прелесть его оригинальной личности, и оттого-то его еще не успела захвалить и полюбить почтеннейшая «публикум», и оттого-то у него имеется еще пока немного поклонников и хвалителей, но зато этим поклонникам-друзьям действительно дорого свободное, меткое и красивое слово, облекающее в причудливые, капризные, прелестные, сжатые формы – и гнев, и скорбь, и смех, и задумчивую печаль, и глубокую нежность, и своеобразное, какое-то интимное безыскусственное языческое понимание чудес природы: детей, зверей, цветов.

Поистине Саша Черный не мог бы применить к себе слова одного французского писателя: «Я пишу не для многих; и если меня поймут два или даже один человек, – я и этим буду доволен; если меня не признает никто, я с удовольствием буду писать для самого себя». И возможно, что именно по этой причине его не поняла, не прочувствовала, не поставила в красный угол наша несправедливая, пристрастная, архибезвкусная, кумовская, мамашинская критика.

Изумительно разнообразно творчество этого замечательного поэта.

Сатиры его дышат пламенным гневом щедринской музыки, великолепным презрением, всей остротой и жгучестью меткой насмешки, которая прилипает к человеку, как клеймо. И сейчас же рядом расцветают у Саши Черного скромные, благоуханные, прекрасные цветы чистого и мягкого лиризма.

Узость, мелочность, скука и подлость обывательщины отражаются у Саши Черного чудесными, сжатыми, незабываемыми штрихами, роднящими его только с Чеховым, совсем независимо от влияния великого художника. И так же, как Чехов, Саша Черный необычайно мил, прост, весел, трогателен и бесконечно увлекателен, когда он пишет для детей или о детях. Произведения последнего рода читаются и воспринимаются с одинаковым наслаждением как взрослыми, так и детьми. И если бы для ношения венца славы не надо было вытребовать патента в полицейском участке критики, то я бы сказал, что это свойство дарования есть признак несомненного большого, искреннего таланта; а другой признак и, по-моему, не менее явный, это, несмотря на разнообразие мотивов, тем и настроений, редкое качество, отличающее избранников, – свой собственный, единственный, ни на кого не похожий тембр. Читатель с чутким ухом, прочитавши или услышавши любые его четыре строчки, непременно радостно воскликнет: «Ах, боже мой! Да ведь это Саша Черный!»

Как благородно злы его стихотворения, заключенные в цикле под общим заглавием «У немцев».

И какая там тонко изошренная наблюдательность, какая меткость и точность эпитетов и какая выпуклая, почти осязаемая изобразительность!

Читатель точно видит этих каналов повсюду – в дачном пансионе, в немецком лесу с прилизанными дорожками, шоколадными автоматами, с корзинами для рваной бумаги, с надписями на скамьях и на уборных, со всей нелепой аккуратностью, которая доводит Сашу Черного до крайности.

...Озираясь, блудливой походкою,
Влез я в чашу с азартом мальчишки,
Потихоньку пошаркал подметкою
И сорвал две еловые шишки.

Видишь, как они гуляют *ins Grüne*, как они торгуют могилами своих великих писателей; видишь их на рынке, на публичных лекциях; видишь их идиотских корпорантов – на празднике гимнастического клуба; видишь Берлин – эту огромную лавку и пивную с его нелепыми монументами и портретами кайзера; видишь детей, юношей, стариков, старух, девушек и самок («раскрахмаленных лангуст»).

И надо всем этим – лицемерие, затаенное любострастие, обалделая маршировка в ногу, крикливый пивной патриотизм, шаблон, индюшечья надменность и плоская, самодовольная тупость.

Ах, в теперешние дни с каким жгучим, опьяняющим, сладким негодованием читаешь эти сатиры, где каждое сжатое слово подобно удару резца по мрамору.

Итак, Саша Черный всюду остается настоящим, тонко чувствующим и глубоко думающим лириком – в красках, в звуках, в сатире, и быте, и светлых нежно-чувственных образах природы.

Я бы сказал: «Да будет ему триумф», если бы только этот сдержанный, молчаливый человек с печальными темными глазами и светлой детской улыбкой придавал триумфу какое-нибудь значение.

Но тогда отчего же не указать на его единственный, но существенный недостаток – он гораздо слабее своего таланта тогда, когда пишет сатирические стихи на злобу дня – о Думе, о политике, Гучкове, Милюкове и т. п. А надо сказать, что такие стихи он пробовал писать, когда сотрудничал в «Сатириконе», и писал их, очевидно подчиняясь общему настроению сотрудников этого журнала. Саша Черный чувствует и мыслит более глубоко, и жертвы его сатиры не господы: «А», «В», «С», «Д», а типичные пошлость, скука, лень, равнодушие и тихое оподление современной жизни.